

«МЕРТВЫЕ ЦАРИ ВСЕГДА ДОЛЖНЫ ПО СМЕРТИ СВОЕЙ БЫТЬ СУДИМЫ»:

Посмертная судьба одного древнеегипетского обычая в русской и европейской словесности XVI – XIX вв.

М. С. Неклюдова
(Москва)

В заметке «О журнальной критике», опубликованной в «Литературной газете» (1830, № 3), Пушкин указывает на отсутствие в русской словесности того, что он называет «египетским судом»:

Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих (Пушкин 1949: 89).

Как следует из контекста, словосочетание «египетский суд» означает беспристрастную (посмертную) оценку¹. Пушкин употребляет его без каких-либо пояснений как привычное речевое клише. Между тем лексикографы не знают других случаев его бытования в русском языке², за одним показательным исключением. Вяземский в «Старой записной книжке», комментируя анекдот об И. И. Дмитриеве, который в покаянном настроении выкинул из своих записок резкие отзывы о Н. И. Салтыкове, замечает:

Уважаю движение, но не одобряю. Писатель, как судья, должен быть бесстрастен и бессогласителен. И что же останется нам в отраду, если не будут произносить у нас хоть над трупами славных окончательного Египетского суда? (Вяземский 1884: 36).

¹ Ср.: Словарь языка Пушкина 2000: 438.

² Так, Михельсон ссылается исключительно на пассаж из «Литературной газеты», а в НКРЯ фигурирует одна цитата из «Старой записной книжки».

Характерное уточнение про «трупы славных» позволяет локализовать аллюзию, которая восходит к первой книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, где рассказывается о принятых в Египте обычаях. В частности, о том, что перед тем как похоронить умершего, египтяне устраивали публичный суд, на котором каждый мог высказать обвинения в его адрес. Если они подтверждались, то покойному отказывали в посмертных почестях.

Эта особенность египетского погребального обряда была хорошо известна европейской публике рубежа XVIII – XIX веков, о чем свидетельствуют многочисленные пересказы соответствующего пассажи из «Исторической библиотеки», причем далеко не только в сочинениях по древней истории. Среди авторов, подробно останавливавшихся на этом эпизоде – Руссо, Мерсье, Делиль и целый ряд других, порой не менее громких имен. Учитывая, что ни Пушкин, ни Вяземский до сих пор не были замечены в особом пристрастии к Диодору, велика вероятность того, что их представление о причудливом египетском обычае было почерпнуто из таких текстов-посредников, скорее всего французских. Однако словосочетание «египетский суд», используемое обоими поэтами в качестве его краткого обозначения, не является переводом чужой идиомы: во французском ее просто не существовало. По-видимому, это галлицизм второго уровня, не имеющий прямого лексического аналога, но тесно связанный с французской практикой риторической обработки диодоровского анекдота.

Египетский суд над умершими в присутствии их непогребенных останков – сюжет приметный и (относительно) легко отслеживаемый. Далее я пунктирно намечу ряд его маршрутов сквозь тексты XVII – начала XIX века. Отправной точкой мне послужит круг чтения Пушкина и Вяземского, который, будучи неплохо изучен, позволяет точнее дифференцировать различные каналы передачи информации. Хотя рассказ о египетском обычае можно отнести к фоновому знанию образованного человека XVIII столетия, тем не менее способы его приложения напрямую зависели от выбора риторической традиции. Иначе говоря, тут необходимо различать комплекс исторических сведений, который мог быть получен

из исходного источника или из учебника, и их использование в качестве доказательного примера. В последнем случае мы зачастую имеем дело со скрытой полемикой, где чуть разнящаяся обработка одних и тех же исторических аллюзий обозначает отличные друг от друга позиции.

Отсылки Пушкина и Вяземского к «египетскому суду» – прекрасное тому подтверждение, поскольку, несмотря на краткость, они содержат в себе элемент разночтения. Прежде всего, в «Исторической библиотеке» Диодор описывает египетский обычай суда над усопшими не единожды, а дважды. Сперва, рассказывая о системе правления и древних династиях, он представляет похоронные церемонии как один из способов регулирования отношений между царем и народом. Когда правитель умирал, то, после траурных бдений, его тело выставлялось перед гробницей. Жрецы произносили хвалы умершему, при этом «предоставив желающему право произнести обвинительную речь», а собравшийся народ криками выражал свое одобрение или порицание. Благодаря этому цари «из страха перед поруганием тела после своей кончины и порицания во веки веков», стремились «придерживаться справедливости» (I, 72). Позже, разбирая принятые в Египте верования и религиозные обряды, Диодор утверждает, что для каждого умершего обязательно собирается трибунал из сорока трех судей и, «в соответствии с законом, желающему предоставляется право произнести обвинительную речь» (I, 92). Если будет подтверждена справедливость высказанных обвинений, то покойнику будет отказано в погребении (Диодор 2017: 128, 160).

Оба фрагмента из «Исторической библиотеки» использовались французскими авторами XVII – XVIII веков, но с разной частотностью. Первое место, безусловно, занимает посмертный суд над телом царя; к нему отсылает большее количество текстов. Помимо очевидной политической подоплеки, о которой речь ниже, к этому мог подталкивать порядок изложения: когда Диодор описывает погребение правителей Египта, он не объясняет, что суд был неотъемлемой частью любых похорон, то есть для читателя этот эпизод предстает как исключительный и, вероятно, как более

запоминающийся. Косвенным подтверждением этого может служить любопытный псевдоюридический казус, связанный с громким скандалом середины XVIII столетия. Французский посол в Лондоне, граф де Герши, имел неосторожность войти в конфликт с шевалье д'Эоном, а потому стал объектом шантажа, язвительных памфлетов и судебных разбирательств. Когда в 1767 году граф умер, шевалье счел это недостаточным основанием для прекращения кампании по дискредитации покойного:

Знаю: не следует тревожить прах умершего и взывать к его памяти лишь затем, чтобы напомнить о его позоре; но если причиненное им зло до такой степени способствовало несчастью еще живущего, что, мнится, голые кости продолжают свое дело даже из глубины могилы, то личный интерес, являющийся первым законом природы, велит нам, пусть с сожалением, вызвать труп на публичный суд – не для того, чтобы его ославить, но дабы дать возможность живому очистить себя от возведенной хулы. Разве народ египетский, столь почитавший своих умерших, не вызывал на трибунал тени своих государей, не судил их и не выносил им приговор?³

Запомним макабрическую угрозу «вызвать труп на публичный суд»: даже оставляя в стороне известную склонность д'Эона к безумным выходкам, за ней стоит нечто большее, чем просто риторическое упражнение. Пока же подчеркнем другой важный момент, связанный с использованием египетской топики. Сам Диодор представлял посмертный суд над царем как залог справедливого правления, то есть как политический инструмент. Его примеру следует большинство позднейших авторов, которые обращаются

³ « On ne doit point troubler la cendre d'un mort; & rappeler sa mémoire seulement pour retracer sa honte, c'est le comble de la barbarie, je le sais: mais si le mal qu'il a fait a tellement influé sur le malheur de quelqu'un qui survit, que ses os desséchés semblent encore le perpétuer du fond de son sépulcre, l'intérêt personnel, qui est la première loi de la nature, ordonne quoi qu'à regret de citer ce Cadavre au tribunal du public, non pour le diffamer, mais pour se justifier du blâme qu'il a jeté sur celui qui lui survit. Les Egyptiens, ces peuples si respectueux pour les morts, ne jugeoient-ils pas, ne condamnoient-ils pas les mânes de leurs souverains mêmes ? » (Eon 1767: 10). Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, все иноязычные цитаты даются в моем переводе.

к этому эпизоду, включая уже упомянутых Руссо, Мерсье и проч. Напротив, описание суда над всеми покойниками без разбора становится частью – в том числе благодаря Боссюэ – религиозно-моралистического дискурса. Шевалье д'Эон намеренно или случайно смешивает две риторические традиции, тем самым демонстрируя их подвижность. С высокой долей вероятности, суд над телом царя – единственный памятный ему фрагмент из «Исторической библиотеки», которому он приписывает функцию, закрепленную за похожим, но обычно иначе трактуемым эпизодом.

Если согласиться, что «египетский суд» являлся частью идиолекта пушкинского круга, то неизбежно возникает вопрос, какая из риторических традиций за ним стояла, или какова была их комбинация. Слова Вяземского скорее отсылают к ситуации суда над мертвым царем («трупы славных»), тогда как пушкинская фраза вроде бы подразумевает всеобщий посмертный трибунал (для литераторов). Смысл выражения остается неизменным – беспристрастный приговор, выносимый после кончины человека – что не мешает ему содержать в себе рудиментарные следы разных исторических маршрутов, которые ведут от «Исторической библиотеки» к французской словесности XVII – XVIII веков, а затем к русской литературной среде начала XIX столетия.

А Диодора не читал?

На рубеже XVIII и XIX столетия европейский читатель обладал широким, но не обязательно реализуемым спектром возможностей познакомиться с содержанием «Исторической библиотеки». Начнем с наименее вероятного: в его распоряжении был оригинальный текст (точнее, пятнадцать сохранившихся книг из сорока), который, судя по количеству дошедших до нас рукописей, был неплохо известен немногочисленным знатокам греческого языка еще до появления книжных изданий⁴. В середине XV века Поджио Браччолини

⁴ Всего до нашего времени дошло 59 манускриптов, старший из которых датируется X веком. См.: Diodore 1993: lxxviii.

перевел первые пять книг «Исторической библиотеки» на латынь, тем самым существенно расширив их читательскую аудиторию. В XVI веке выходят первые переложения Диодора на французский язык Клода де Сейселя (1530), Антуана Мако (1535, с латыни) и Жака Амио (1554), которые продолжают допечатываться вплоть до начала XVIII столетия. Новый французский перевод «Исторической библиотеки», выполненный аббатом Террасоном, появляется только в 1737–1744 годах. Этот промежуток в двести лет свидетельствует не столько о качестве трудов Амио или Сейселя, сколько об отношении к Диодору. К середине XVII века, когда языковые нормы заметно изменяются, многие античные авторы, ранее переведенные на французский, переводятся заново, что позволяет им оставаться читабельными с точки зрения светской публики. Диодор в эту категорию не попадает, то есть интерес к нему не выходит за пределы профессиональных кругов, для которых чтение греческого, латыни или «архаического» французского не составляет проблемы.

По-видимому, такое положение дел сохраняется и после выхода перевода аббата Террасона, который с 1737 по 1744 год публикует в Париже отдельные тома «Всеобщей истории» (как он именует труд Диодора). Хотя затем собрание переиздается целиком в 1758 и в 1777 годах, похоже, что типографы используют один и тот же набор, заново допечатывая к нему лишь титульные листы. Это может означать, что многотомник не имел большого спроса, и у издателей осталась часть нераспроданного тиража. Нельзя исключать и того, что рынок оказался перенасыщен за счет амстердамских (пиратских) репечаток, которых так же было не менее двух.

Прямым подтверждением специфического статуса «Исторической библиотеки» служит мнение Иоганна Иоахима Эшенбурга, автора влиятельного учебника по античной литературе, вышедшего в 1783 году и переведенного на многие языки, включая русский. Хотя Диодор включен им в список античных историков, имена которых образованному человеку следовало знать, о его труде Эшенбург (в переводе Н. Ф. Кошанского) отзываясь следующим образом: «в отношении Хронологии <...> его История чрезвычайно важна; но не столько имеет достоинств со стороны справедливости и

Слога» (Эшенбург 1818: 365–366)⁵. Иными словами, «Историческая библиотека» расценивается как книга для профессиональных историков, которые могут воспользоваться заключенными в ней хронологическими сведениями. Но она не заслуживает доверия и не может выступать в качестве стилистической модели, что делает ее избыточной с точки зрения светской образованности.

Позиция Эшенбурга отнюдь не оригинальна. В 1730–1738 годах Шарль Роллен опубликовал четырнадцатитомный компендиум «Древняя история египтян, карфагенян, ассирийцев, вавилонцев, мидян, персов, македонцев и греков», также пользовавшийся общеевропейской известностью. Роллен предназначал свой труд «молодым людям и тем, кто не собирается углубляться в изучение древней истории», а потому заимствовал «у греческих и латинских авторов самое интересное по части фактов и самое полезное по части наставлений» (Rollin 1730: xxxv). Среди таких заимствований были и многочисленные парафразы из «Исторической библиотеки», порой превращавшиеся в дословный перевод целых пассажей без ссылки на их автора, включая и интересующие нас фрагменты о погребальных ритуалах египтян. В отличие от Тацита или Плутарха, чьи сочинения имели образцовый статус, труд Диодора во многом воспринимался как подсобный материал, на основании которого создаются нормативные исторические тексты⁶.

Учебник Эшенбурга широко использовался в самых разных учебных заведениях и, учитывая его высокую пропедевтическую репутацию, «Историческая библиотека» вряд ли попадала в круг юношеского чтения. Тем не менее ее египетские главы безусловно доходили до этой аудитории через многочисленные педагогические адаптации. Показательным примером может служить Царско-сельский лицей: как мы знаем, Кошанский в своих лекциях опирался на пособие Эшенбурга (см.: Якубович 1941: 92–159), поэтому

⁵ «Справедливость» – это перевод нем. термина „Glaubwürdigkeit“ (Eschenburg 1783: 201), который франц. переводчик передает как «la véracité» («правдивость») (Eschenburg 1802: 399).

⁶ О ренессансном различии между полноценной (или совершенной) историей и собранием исторических фактов см., к примеру: Gilbert 1973: 223–224.

маловероятно, чтобы он знакомил учеников с Диодором. Однако это вполне мог делать другой лицейский профессор, И. К. Кайданов, хотя он разделял сомнения немецкого просветителя в правдивости греческого историка⁷. И все же, комментируя скудные сведения о египетских законах, он останавливался на суде подданных над государем:

Еще заметим одно достопамятнейшее узаконение, существовавшее в Египте: все Египетские Государи, по смерти своей, подвергались суду своих подданных. Деяния и поступки их были разбираемы, и народ произносил свой приговор, от коего зависела слава, или безславие умершаго Государя, а равно и определение ему погребательных почестей, или лишение его оных (Кайданов 1821: 40)⁸.

Но может быть центральную роль в распространении диодоровских рассказов о Египте играл Роллен, чье влияние трудно переоценить, особенно когда речь идет о второй половине XVIII столетия. Как подчеркивал Тредиаковский, в 1749 году опубликовавший первый том своего перевода «Древней истории», «вся Европа наслаждается ею чтением, и поныне насладиться не может» (Роллен 1749: s. p.). Его свидетельство можно было бы отнести за счет переводческого пристрастия, однако ему вторят и другие голоса. К примеру, племянник Ривароля, человек другого поколения (он родился в 1785 году), образования и убеждений, тоже писал об эмоциональном – скорей всего, юношеском – восприятии этой книги:

Роллен принадлежит к малому числу писателей, к которым проникаются любовью при чтении их сочинений. Захватывая

⁷ По поводу причудливого закона о воровстве, описанного в «Исторической библиотеке» (I, 80) (Диодор 2017: 140); критику со стороны Кайданова см.: Кайданов 1814: 48.

⁸ Отмечу, что хотя набор сведений о Египте, который Кайданов приводит в «Основаниях всеобщей политической истории» (1814) и в «Руководстве к познанию Всеобщей политической истории» (1821) практически идентичен; одно из немногих отличий состоит в том, что в «Руководстве» критика Диодора заменяется описанием «достопамятнейшего узаконения». Пользуюсь случаем поблагодарить А. Л. Осповата, указавшего мне на этот важный источник.

внимание, он находит путь к сердцу, и от его уроков всегда остается нечто полезное (Rivarol 1819: iii).

К началу XIX столетия, когда педагоги и издатели превратили «Древнюю историю» в набор нравоучительных примеров, а «Роллен» стал нарицательным обозначением учебника, подходящего «для сердца и разума юных читателей»⁹, удовольствие от чтения сменилось раздражением и иронией. Однако негативное отношение отнюдь не означало прекращение влияния. Тот же Вяземский, путешествуя в 1853 году по Италии, замечает по поводу полотна Паоло Веронезе «Семейство Дария перед Александром Македонским»: «Признаюсь, сердце и глаза мои не лежат к этим картинам из Роллена и нашего Московского Черепанова <...>» (Вяземский 1886: 16–17). Очевидный анахронизм – картина Веронезе датируется концом 1560-х годов – как и упоминание давно покойного Никифора Черепанова, профессора московского университета, автора и переводчика пропедевтических сочинений, только подчеркивает, до какой степени этот тип воспитательной литературы определял дальнейшее восприятие древней истории.

Роман классический, старинный, отменно длинный, длинный, длинный

Литературно-исторические интересы Вяземского, на сей раз сугубо профессиональные, позволяют продолжить тему вульгаризации «Исторической библиотеки» в новом направлении и перейти от учебников к романам. С 1820-х годов он обдумывает книгу о Фонвизине, который в начале своей литературной карьеры много занимался переводами. В частности, будучи еще студентом, он переложил на русский популярное французское сочинение, в оригинале называвшееся «Сетос, история или жизнеописание,

⁹ Ср.: «Роллень для юношества, или Начертание древней истории, содержащее в себе историю египтян, персов, греков, римлян и многих других народов, представляющее полезные примеры добродетели и спасительные уроки для сердца и разума юных читателей, с политическими и нравоучительными размышлениями» (1822).

извлеченное из неопубликованных памятников Древнего Египта» (1731). Этот объемный дидактический опус принадлежал уже упомянутому аббату Террасону, который позже принялся за перевод Диодора. Картезианец и принципиальный сторонник Новых, аббат взял за образец «Телемака» Фенелона, стремясь приурочить древние нравы к литературным вкусам хорошего общества¹⁰. Роман был принят с большим энтузиазмом, и уже в 1732 году вышел в английском и в немецком переводе, а в 1734 году – в итальянском. Именно с немецкоязычного издания, опубликованного в Гамбурге, и был сделан русский перевод, названный Фонвизинным «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая» (1762–1768). Практически на первых же его страницах мы находим описание египетских погребальных ритуалов, включая пресловутый суд над мертвыми:

В прекрасное жилище становили они гробы Царей премудрых, а тиранны <sic!> в верхнюю часть и хода не имели: и действительно, как скоро мертвое тело привезено бывает к берегу Стикса, откуда должно оно вести к богам адским: то имеют совет семнадцать жрецов, лабиринта, не считая главного жреца, с двумя судьями из двенадцати частей Египта: тут позволено по окончании жрецовою речи, которой провожал тело, приносить всякому на умершаго свои жалобы, и разсудя обстоятельства дела, или отдавали его перевощику, который назывался Харон, или в том ему отказывали. На конец решение заключалось на листе, от всех судей подписанном, который брошен был в чашу правосудия древних Царей воспоминаемого.

В прочем, мертвые Цари так как и их граждане, в каком бы месте положены ни были, всегда должны по смерти своей быть судимы (Террасон 1762: 37–38).

Если не считать мелких расхождений (так, «берег Стикса» находится на совести немецкого переводчика, у Террасона «озеро Харон»¹¹),

¹⁰ О моде на египетские сюжеты в романах начала XVIII в. см.: Racault 2001: 59–78.

¹¹ Ср.: Terrasson 1731: 47; Terrasson 1732: 32.

двойной перевод почти не искажает смысла французского оригинала, который, в свой черед, является переработкой легко опознаваемых пассажей из Геродота и Диодора Сицилийского. Значит ли это, что соответствующий фрагмент «Исторической библиотеки» добрался до Вяземского через посредство Террасона и Фонвизина?

В пользу такого предположения можно привести несколько доводов. Прежде всего, в своей книге Вяземский неожиданно подробно – по сравнению с другими ранними переводческими опытами Фонвизина – останавливается на «Жизни Сифа», отмечая, что и оригинал, и его русифицированный вариант пользовались уважением у образованной публики того времени. Подтверждением тому служит статья профессора московского университета Иоганна Готфрида Рейхеля «Известие и опыт о российском переводе “Сифа”» из «Собрания лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия» (1762)¹², которую Вяземский оценивает весьма высоко: «мало найдется у нас критических статей, столь Европейских по изложению, мыслям и общим сведениям» (Вяземский 1880: 23). В ней Рейхель, в частности, указывает, что, по мнению д'Аламбера, лучшая сцена романа – речь верховного жреца Мемфиса на похоронах матери героя (Собрание лучших сочинений 1762: 103). Собственно, именно ее (в переводе Фонвизина) публикует «Собрание лучших сочинений». Интересующее нас описание суда над мертвыми находится несколькими страницами ранее и не попадает в журнальную публикацию¹³. Если Вяземский просматривал «Жизнь Сифа», то, следуя рекомендациям Рейхеля и д'Аламбера, он с большой долей вероятности должен был обратить внимание на сцену погребения добродетельной царицы египетской.

Тем не менее нет уверенности, что Вяземский действительно вникнул в безнадежно устаревшее к началу XIX века сочинение Террасона, отнесенное им к роду романов «нравоучительных

¹² Попутно стоит отметить, что в том же выпуске журнала было опубликовано «Разсуждение графа Кайла о бальсамирвании Египтян», переведенное Петром Лопухиным (Собрание лучших сочинений 1762: 1–45), т. е. интерес к египетским погребальным обрядам не ограничивался художественной прозой.

¹³ Описание обычая см.: Террасон 1762: 37–38; речь жреца: Террасон 1762: 46–50.

и довольно скучных (не на зло нравственности будь сказано)» (Вяземский 1880: 22). Все фактические сведения о нем и о фонвизинском переводе взяты непосредственно из статьи Рейхеля, а рассуждения о вкусе «читателей наших протекшего столетия» имеют общий характер и не связаны непосредственно с «Жизнью Сифа». Попутно отметим, что в поле зрения российской публики второй половины XVIII столетия, о которой пишет Вяземский, также могли находиться два перевода романа шевалье Ремзи (Рамзая) «Путешествия Кира» (1727), чья известность была не в последнюю очередь обусловлена активной ролью его автора в масонском движении. В главах, посвященных пребыванию героя на берегах Нила, Ремзи упоминает о том, что «был в Египте другим народам со всем неизвестной суд», и пересказывает сообщение Диодора об обычае судить умерших¹⁴.

Таким образом, египетские главы «Исторической библиотеки» проходят ожидаемый путь от оригинального текста к переводам¹⁵, учебным переложениям и, наконец, к романам. Этот маршрут отчасти иллюстрирует механизмы формирования фонового знания о погребальных обрядах древних обитателей долины Нила. Однако он сугубо локален, то есть слишком тесно связан с исходной тематикой (история Египта), что не позволяет оценить риторические возможности топоса «египетского суда», о котором пойдет речь.

¹⁴ «Ещеж был в Египте другим народам со всем неизвестной суд; как скоро кто ни будь умрет, то приносили тело его перед судьей, и потом слушали общаго или публичнаго на него челобитчика», и т. д. (Рамзей 1765: 103). Ср.: «В Египте был другой род правосудия, неизвестной иностранним <...>» (Рамзей 1785: 137).

¹⁵ «Историческая библиотека» была переведена на русский язык Иваном Алексеевым и напечатана в типографии Академии наук в 1774–1775 гг. (Диодора Сицилийскаго Историческая библиотека). Однако уже Кошанский в «Ручной книге Древней классической словесности» обозначает это издание как редкое, что делает вдвойне маловероятным его актуальность для читателей 1820-х гг., поэтому я оставляю его в стороне.

Но вечный выше вас Закон

Для ренессансной риторики, чье влияние продолжало ощущаться вплоть до XIX столетия, сюжет о египетском суде над мертвыми был несложной идеограммой, ключ к которой дал сам Диодор¹⁶. С одной стороны, возможность посмертного поругания и отказа в погребении была, по его мнению, более действенным орудием общественной морали, чем «вымышленные мифы и надуманные рассказы» греков (I, 93) (Диодор 2017: 162). С другой, обряд царских похорон, исход которого определялся народным гласом, служил наглядным уроком для живых правителей. Оба вывода без труда сочетались с христианской экзегетикой (и нередко сопровождались ссылками на библейские прецеденты); по-видимому, этим объясняется сугубо положительное восприятие диодоровского рассказа позднейшими авторами.

Для постренессансных теоретиков нового типа государственности египетский суд над мертвыми был значимым юридическим прецедентом. Гуго Гроций обращается к нему в своем влиятельном трактате «О праве войны и мира» (1625), когда заходит речь о соблюдении государем принятых на себя обязательств:

Согласно ему же <Диодору. – М. Н.> египетские цари, которые, подобно другим восточным правителям, обладали абсолютной властью, должны были соблюдать многие обязательства. Если они пренебрегали этим, то их нельзя было призвать к ответу во время жизни, но после смерти против них выдвигались обвинения, и если их признавали виновными, то им отказывали в почетном погребении¹⁷.

¹⁶ О ренессансном восприятии египетской «иероглифической» мудрости см.: Allen 1970: 107–134.

¹⁷ „Eodem tradente Aegyptiorum reges, quos tamen ut alios reges Orientis, summo imperio usos non est dubium, ad multarum rerum obsevationem obligabantur: verum si contra fecissent, accusari vivi non poterant, sed mortuorum accusabatur memoria, & damnatis abjudicabatur solennis sepultura <...>” (Grotius 1670: 63).

В пристальном внимании к этому вопросу можно увидеть реакцию на известный пассаж из «Государя», где Макиавелли рассуждает, обязан ли правитель держать данное слово¹⁸. Однако это лишь частный случай более общей проблемы, касающейся баланса между единоличной властью государя и сводом коллективных правил общежития. Временная приостановка действия закона, который возвращает себе исходную силу после кончины монарха, отчасти позволяла снять противоречие между требованиями морали и прагматикой управления. Эту теоретическую модель стоит соотнести со сходными концепциями власти, разрабатывавшимися в ту эпоху, прежде всего с «государственным переворотом» Габриеля Ноде¹⁹. В обоих случаях государь оказывается исключен из системы ординарной юстиции, поскольку выступает агентом экстраординарного права. Однако если Ноде считал, что механика управления должна быть окружена строжайшей тайной, то Гроций по сути предлагает вывести ее в публичное пространство: у Диодора суд над телом государя является открытым для всех граждан.

Мысль о посмертном восстановлении права, неизбежно попираемого государями, пускай даже из лучших побуждений, отнюдь не ограничивалась профессиональными юридическими кругами. Монтень обращается к этой теме в эссе «Наши чувства устремлены за наш собственный предел» (I, 3), которое при первой публикации «Опытов» в 1580 году было целиком посвящено (иррациональному) желанию людей определить судьбу собственных останков. Во второй редакции текста (издание 1588 года) он переходит от частных случаев к соображениям общего порядка:

Среди законов, касающихся покойников, наиболее основательным мне кажется тот, что обязывает исследовать деяния государей после их кончины. Они сотоварищи, если не повелители законов, и

¹⁸ См. главу XVIII «О том, как государи должны держать слово». Согласно Макиавелли, хранить верность обещаниям похвально, «однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца <...>» (Макиавелли 1982: 351).

¹⁹ О теории Ноде см.: Marin 2005: 191–232; о ее теоретическом контексте: Cateeuw 2013.

коль скоро правосудие не властно над их головами, то ему правомерно распоряжаться их репутациями и достоянием наследников, ибо часто для нас это дороже жизни. Это обыкновение, приносящее исключительное удобство народам, его соблюдающим, и желанное для всех добрых государей²⁰.

Хотя Монтень не упоминает Диодора, его рассуждение воспроизводит логику античного историка: посмертная оценка поступков монарха служит предостережением как для него самого, так и для его преемников. Однако в следующей редакции (датирующейся периодом между 1588 и 1592 годом), он идет дальше, меняя точку на запятую и продолжая вроде бы законченное предложение:

Это обыкновение, приносящее исключительное удобство народам, его соблюдающим, и желанное для всех добрых государей, которым иначе приходится сетовать, что с памятью о дурных монархах распоряжаются так же, как с памятью о них. Мы обязаны покорствоваться и повиноваться любому государю, поскольку этого требует его сан, но уважением и тем более привязанностью мы обязаны только его добродетели. Ради политического порядка надо терпеливо сносить недостойных правителей и скрывать их пороки, помогая советом в делах безразличных, пока их власть нуждается в нашей поддержке. Но когда нашему сообщению пришел конец, нет причин отказывать правосудию и собственной свободе в выражении истинных чувств²¹.

²⁰ « Entre les loix qui regardent les trespassez, celle icy me semble autant solide, oblige les actiõs des Princes à estre examinées après leur mort. Ils sont compaignons, si non maistres des loix ; ce que la Iustice n'à peu sur leurs testes, c'est raison qu'elle l'ayt sur leur réputation, & biens de leurs successeurs, qui sont choses que souuent nous preferons à la vie. C'est vne vsance qui apporte des commoditez singulieres aux nations où elle est obseruee, & desirable à tous bons Princes » (Montaigne 1588: 4r-v).

²¹ « C'est vne vsance qui apporte des commoditez singulieres aux nations où elle est obseruee, & desirable à tous bons Princes : qui ont à se plaindre de ce, qu'on traite la memoire des meschâs comme la leur. Nous deuons la sujection & obeissance également à tous Roys ; car elle regarde leur office : mais l'estimation, non plus que l'affection, nous ne la deuons qu'à leur vertu. Donnons à l'ordre politique de les souffrir patiemment indignes ; de celer leurs vices : d'aider de nostre recommandation leurs actions indifferentes, pendant que leur auctorité a

Фигура дурного правителя, которой не было в предшествующем варианте текста, вроде бы дополняет и проясняет мысль о необходимости учреждения правильной «памяти», то есть посмертной славы. Однако ее появление делает возможным логический переход к проблеме подчинения несправедливому правлению, за которой обычно следует вопрос о допустимости избавления от тирана. Учитывая, что этот фрагмент написан после 1588 года, то есть в период громких политических убийств, когда сперва по приказу Генриха III был обезглавлен могущественный клан Гизов, а затем от руки их сторонника погиб сам монарх, такая постановка вопроса имела отнюдь не теоретический характер. О праве подданных на уничтожение несправедливого государя размышляли многие участники конфликта. Монтень был в курсе подобных дискуссий, как и реальных политических интриг, поскольку ему приходилось посредничать между королем и Генрихом Наваррским (будущим Генрихом IV). Но интерес тут представляет не излагаемая им доктрина политической лояльности, а конечный вывод. Смерть государя открывает дорогу не только правосудию, но и свободе самовыражения подданного, причем два этих вроде бы несоизмеримых блага оказываются поставлены на одну доску. Дворянин, из чувства чести хранящий верность престолу, наконец получает свободу обнародовать свое мнение о том, кому был вынужден служить, и в этом тоже есть элемент правосудия, то есть восстановления справедливости по отношению к подданному, к его посмертной славе.

Не говоря ни слова о египетском обычае как таковом, Монтень, по-видимому, точно определяет его привлекательность для современников и потомков. Это не столько публичный суд над покойным монархом, хотя такая процедура в высшей степени значима, сколько символическая эмансипация подданного, который, стоя над его разверстой могилой, наконец может высказать все, что думает. Однако тут возникает своего рода риторический палимпсест:

besoing de nostre appuy. Mais nostre commerce finy, ce n'est pas raison de refuser à la iustice, & à nostre liberté, l'expression de nos vrais ressentimens » (Montaigne 1602: 9).

описываемая диспозиция не могла не напоминать положение оратора, произносящего надгробную речь в честь усопшего государя. В течение XVII столетия этот жанр церковного красноречия приобретает большой литературный престиж, во многом благодаря таланту Боссюэ и ряда других проповедников, что должно было способствовать взаимопритяжению двух дискурсивных ситуаций. Очевидный тому пример – пресловутая речь верховного жреца Мемфиса перед гробницей матери Сетоса, о которой высоко отзывался д'Аламбер.

Значит ли это, что в восприятии риториков конца XVII – начала XVIII столетия египетский посмертный трибунал превращается в декоративный фон для панегирика знаменитому покойнику? Примечательным образом, сам Боссюэ счел необходимым удостовериться, что это не так. В «Речи о всеобщей истории» (1681) он, пересказывая пассаж из Диодора о всеобщем суде над умершими (I, 92), заостряет внимание на соотношении юридической процедуры и хвалы:

Но было в Египте некое необычайное судилище, которого никто не мог избежать. В час кончины нас утешает мысль о том, что имя наше будет пользоваться уважением среди людей, и это единственное из земных благ, которого смерть не может нас лишить. В Египте не дозволялось восхвалять всех умерших без разбору, эта честь оказывалась только после публичного судилища. Когда человек умирал, его доставляли на этот суд. Заслушивался публичный обвинитель. Если он доказывал, что покойник вел дурную жизнь, то память о нем подвергалась осуждению, и ему отказывали в захоронении. Народ преклонялся пред силой законов, для которой не была преградой даже смерть, и никто не мог остаться равнодушным перед такими примерами, страшась обесчестить память о себе и свою семью. Если же за покойным не находили проступков, то хоронили с честью и произносили похвальные речи, вне зависимости от его рождения²².

²² « Mais il y avoit en Egypte une espece de jugement tout-à-fait extraordinaire, dont personne n'échappoit. C'est une consolation en mourant de laisser son nom en estime parmi

Итак, запрет «восхвалять всех умерших без разбору» является прямым следствием того, что действие законов не прекращается после кончины человека, поэтому над покойником сперва звучит голос публичного обвинителя, и лишь затем панегириста. Однако универсальность этого принципа вызывает сомнение. Несколькими страницами далее Боссюэ вскользь касается ритуала царского погребения. Согласно ему, в Египте, благодаря мудрости законодателей и наставников, почти не встречалось дурных властителей. А когда таковые появлялись, «их щадили при жизни как того требовало общественное спокойствие; но после смерти они не избегали суда» (Bossuet 1681: 449). Сказано крайне уклончиво: не ясно, оставались ли добрые государи неподсудны, или их тоже ждал посмертный трибунал. При этом структура фразы напоминает процитированное выше рассуждение Гроция²³, хотя идея общественного спокойствия (*le repos publique*) соотносится скорее с монтеневским политическим порядком (*l'ordre politique*). Вне зависимости от прямого или опосредованного влияния, такой выбор выражений указывает, что Боссюэ понимал: обсуждение посмертного суда над (дурным) монархом может обернуться дискуссией по поводу границ верховной власти, взаимодействия общественного права и монаршей воли, и т. д. Отсюда предельно краткое упоминание ритуала царских похорон, контрастирующее с развернутым пересказом общего египетского обычая.

Выбор Боссюэ между двумя версиями древнеегипетского погребального церемониала проливает дополнительный свет

les hommes, et de tous les biens humains c'est le seul que la mort ne nous peut ravir. Mais il n'estoit pas permis en Egypte de louer indifferemment tous les morts : il falloit avoir cet honneur par un jugement public. Aussitost qu'un homme estoit mort, on l'amenoit en jugement. L'accusateur public estoit écouté. S'il prouvoit que la conduite du mort eust esté mauvaise, on en condamnoit la memoire, et il estoit privé de la sepulture. Le peuple admiroit le pouvoir des loix, qui s'étendoit jusqu'après la mort, et chacun touché de l'exemple craignoit de deshonorer sa memoire et sa famille. Que si le mort n'estoit convaincu d'aucune faute, on l'ensevelissoit honorablement : on faisoit son panegyrique, mais sans y rien mesler de sa naissance » (Bossuet 1681: 446).

²³ Ср: «Если они пренебрегли этим <взятыми на себя обязательствами. – М. Н.>, то их нельзя было призвать к ответу во время жизни, но после смерти против них выдвигались обвинения...» (Grotius 1670: 63).

на восприятие диодоровского повествования. Конечно, идея всеобщего и неумолимого судилища была созвучна христианским эсхатологическим представлениям, а потому обращение к ней было естественно для теолога и проповедника. При этом епископ уклоняется от разговора о публичном суде над мертвым государем, хотя и не отрицает возможности такой процедуры. Помимо соображений доктринального и политического характера (напомню, что Боссюэ был убежденным сторонником абсолютной монархии со всеми вытекающими последствиями), его положение при дворе и близость к наследнику престола, чьим наставником он являлся, в достаточной мере объясняют такую сдержанность. Тем показательней его трактовка египетского обычая как необходимого условия дальнейшего славословия. Когда выступлению оратора предшествует публичный трибунал, то это удостоверяет правдивость хвалы, делает ее законной в буквальном смысле слова. Но это же означает, что за спиной панегириста вырисовывается тень общественного обвинителя.

Боссюэ более чем кто-либо из предшественников или современников способствовал распространению знания о египетском погребальном обычае. Однако это влияние было специфическим: хотя пассаж о том, что «в Египте не дозволялось восхвалять всех умерших без разбору» часто цитировался, воспроизводился в антологиях и просто заимствовался без ссылки на источник, к нему, как правило, встык добавлялся рассказ о суде над мертвым государем. Ярким тому примером может служить Роллен, который в своей «Древней истории» предлагает именно такой коллаж. Во избежание слишком монотонных повторов процитирую его в переводе Третьяковского²⁴; в квадратных скобках указаны авторы, у которых – дословно – заимствованы соответствующие фрагменты, курсивом выделен текст Роллена:

[Боссюэ] В сем состоял у язычников некоторый род утешения, чтоб оставить по смерти честное себе имя в людях; да и думали они,

²⁴ Попутно отметим, что Третьяковский в качестве переводчика сталкивался и с другими пересказами сюжета о египетском суде. См. ниже прим. 42.

что из всех человеческих богатств, единого сего смерть похитить не может. Но в Египте не позволено было хвалить безразборно всех мертвых: надлежало прежде быть под публичным судом, дабы получить сию честь. [Диодор] Собрание судей было за некоторым озером которое они перееждали <sic!> в некоем судне. Тот, который перевозил, назывался по Египетски Харон. Отсюда точно Греки, будучи научены от Орфея, который был в Египте, вымыслили себе басню о Хароновой лодке. [Боссюэ] Как скоро кто умрет; то его приводили на суд. Слушали тогда публичного доносителя. Ежели он докажет, что поступки мертвого были худы; то обвиняли его память и лишали погребения. Народ удивлялся силе уставов, которая крепка была и по смерти; и каждый видя пример, боялся обесчестить свою память и фамилию. Ежелиж в мертвом никакова не найдется порока; то погребали его с честью.

Сие ужаснее еще было в сем публичном следствии учрежденном на мертвых, что и Царский престол не мог себя от того защитить. [Боссюэ] Они к Царям не прикасались во время их жизни: ибо общая тишина того требовала. Но не могли Цари убежать от суда, на котором быть надлежало по смерти: а некоторые <sic!> из них и лишены погребения²⁵.

Как можно видеть, Роллен слово в слово переписывает уже знакомый нам фрагмент из Боссюэ, вставляя в середину прямую цитату

²⁵ « C'étoit, chez les payens, une consolation en mourant de laisser son nom en estime parmi les hommes, & ils croioient que de tous les biens humains c'est le seul que la mort ne nous peut ravir. Mais il n'étoit pas permis en Egypte de louer indifféremment tous les morts : il faloit avoir cet honneur par un jugement public. L'assemblée des Juges se tenoit au dela d'un lac, qu'ils passoient dans une barque. Celui qui la conduisoit s'appelloit en langue égyptienne Charon ; & c'est sur cela que les Grecs, instruits par Orphée qui avoit été en Egypte, ont inventé leur fable de la barque de Charon. Aussi-tôt qu'un homme étoit mort on l'amenoit en jugement. L'accusateur public étoit écouté, s'il prouvoit que la conduite du mort eût été mauvaise, on en condmnoit la mémoire, & il étoit privé de la sépulture. Le peuple admiroit le pouvoir des loix, qui s'étendoit jusqu'après la mort ; & chacun touché de l'exemple, craignoit de deshonorer sa mémoire & sa famille. Que si le mort n'étoit convaincu d'aucune faute, on l'ensevelissoit honorablement. Ce qu'il y avoit de plus étonnant dans cette enquête publique établie contre les morts, c'est que le trône même n'en mettoit pas à couvert. Les rois étoient épargnés pendant leur vie, le repos public le vouloit ainsi : mais ils n'étoient pas exemts du jugement qu'il faloit subir après la mort & quelques-uns ont été privés de sa sépulture » (Rollin 1749: 52).

из «Исторической библиотеки» про Харона и Орфея, и отсекая конец фразы епископа про похвальные речи. Затем он перекидывает логический мостик к следующему фрагменту про похороны государя (это единственная фраза, которую можно считать его собственной²⁶), опять-таки полностью заимствованному у Боссюэ, за исключением одной значимой детали. Если наставник дофина говорил о посмертном суде, от которого не могут скрыться дурные правители, то Роллен убирает слово «дурные», как бы приближая текст к греческому источнику. Эта редакция отнюдь не случайна: автор «Древней истории» принадлежал к янсенистским кругам, для которых подчеркнутый легализм был важным орудием борьбы с любыми превышениями власти. Возможно, что по той же причине исчезает и упоминание похвальных речей. В конечном счете позиция Боссюэ, сохраняя заряд христианского уравнилельного пафоса, интерпретируется как безоговорочное обличение государей.

Роллена, невольно сделавшего ТрEDIAKовского переводчиком Боссюэ, мало интересовала процедурная последовательность хулы (публичного обвинения) и хвалы (надгробной речи), на которой настаивал епископ города Мо. Однако для современников и читателей «Древней истории» топос египетского суда продолжает функционировать как модель ораторской – а тем самым и гражданской – позиции. Свидетельством тому служит любопытный казус сочинения на заданную тему, позволяющий сравнить разные риторические подходы к одной проблеме.

Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю

В 1767 году, когда шевалье д'Эон предлагал «вызвать труп на публичный суд», Французская академия, ежегодно присуждавшая награду за красноречие, объявила в качестве конкурсного задания «Похвальное слово в честь короля Карла V, прозванного Мудрым».

²⁶ Перевод ТрEDIAKовского точен, т. к. буквально у Роллена сказано так: «Что самое поразительное в этом публичном разбирательстве, учрежденном против мертвых, это то, что от него не избавлял даже престол» (Rollin 1730: 89).

Судя по количеству опубликованных опусов с таким названием, тема вызвала живой отклик в республике словесности. Свои варианты панегирика мудрому монарху представили многие из тех, чьи имена станут знамениты позднее – астроном Жан де Байи, химик Луи-Бернар Гитон де Морво, аббат Мори и проч. Пальма первенства, впрочем, досталась восходящему светилу, Жану-Франсуа де Лагарпу. Его речь начиналась энергично и резко:

Хвала давно стала продажной. Порок и посредственность отняли ее у таланта и добродетели. Обильно расточаемые похвалы подозрительны; они перестают ими быть, когда являются данью благодарного потомства; для их освящения требуется печать веков. Дурные государи восхваляются после смерти только в момент погребения. К их суетному праху обращены последние лживые речи лести, которая затем устремляется прочь от их могил, дабы начать обманывать их преемников <...>²⁷.

Задача Лагарпа – подчеркнуть разницу между двумя ораторскими диспозициями. Одна из них очевидно близка к ситуации египетского суда, поскольку связана с ритуалом погребения. Другая характеризуется удаленностью от него и предполагает историческую дистанцию, которая становится залогом объективной оценки покойного правителя. В первом случае оратора можно заподозрить в лести, во втором – нет. Учитывая, что Карл V скончался в 1380 году, беспристрастность Лагарпа оказывается вне подозрений.

Топос египетского суда угадывается тут отнюдь не случайно, то есть не только в силу типологического сходства или специфической настройки исследовательской оптики. Его взяли на вооружение по крайней мере два панегириста из числа откликнувшихся на призыв Академии. Так, будущий кардинал и депутат Генеральных Штатов

²⁷ « On a prostitué la louange. C'est une des usurpations du vice & de la médiocrité sur le talent & la vertu. La louange, pour avoir été prodiguée, est devenue suspecte ; elle cesse de l'être, quand elle est le tribut de la postérité reconnoissante ; il lui faut le sceau des âges pour la consacrer. Les mauvais Princes ne sont loués après leur mort, que dans le moment des cérémonies funèbres. C'est à la vaine dignité de leurs cendres que s'adressent les derniers mensonges de la flatterie, qui s'éloigne ensuite de leur tombeau pour aller tromper leur Successeur <...> » (La Harpe 1767: 3).

от духовенства, аббат Мори, использует отсылку к дидоровскому сюжету в качестве зачина, как бы вписывая свое похвальное слово в традицию суда над покойным королем:

Жители нильских берегов торжественно судили своих правителей после их смерти; дабы внушить другим государям спасительный трепет они призывали их на погребальные церемонии, проходившие в красноречивом молчании. Всякий гражданин мог обвинять правителей пред сим трибуналом истины; глас сего грозного судилища, запечатленного как закон в анналах Египта, раскрывал бездействие царей и повелевал им быть справедливыми²⁸.

Напротив, начинающий литератор Луи-Себастьян Мерсье (которому позднее предстоит быть избранным в Национальный Конвент, а затем в Совет пятисот) приберегает его для торжественного финала, чтобы устами условно египетских мудрецов благословить прах добродетельного монарха:

У древних египтян среди многих достойных восхищения законов был один, который не может нас не поражать. Когда их властители – столь горделивые, окруженные торжественной роскошью и преклонением, царившие, подобно богам – как и последние из их подданных сходили в могилу, над их безжизненными останками не звучал притворно-красноречивый глас низкой лести: истина, долгое время скрытая, ужасная истина восставала и одной дланью останавливала ход погребальной колесницы, а другой разворачивала анналы их правления. Суровые судьи объявляли о карах или наградах, полагающихся памяти сего монарха, превратившегося во прах²⁹.

²⁸ « Les habitans des bords du Nil jugeoient solennellement leur Souverains après leur mort ; pour inspirer aux autres Princes une frayeur salutaire ils les appelloient à cette pompe funèbre qu'ils célébroient avec un silence éloquent. Chaque citoyen avoit droit d'accuser les Rois devant ce tribunal de la vérité ; la voix de ce jugement formidable qui étoit gravé comme une loi dans les fastes de l'Egipite, reveilloit l'indolence des Rois & leur commandoit d'être justes » (Maury 1767: 3).

²⁹ « Chez les anciens Egyptiens, parmi tant de loix admirables, il en étoit une qui doit nous étonner. Lorsque leurs Souverains, si fiers, si superbes, si pompeusement adorés, après avoir

Отметим, что Мерсье, сохраняя опорные элементы диодоровского рассказа (суд над останками правителя и возможный отказ в погребении), превращает его в драматическую аллегорию: на пути погребального кортежа внезапно вырастает грозная фигура Истины со свитком в руке. Меж тем как Мори берет из «Исторической библиотеки» только идею трибунала, расцвечивая ее сторонними подробностями; так появляется несколько выбивающееся из смыслового контекста «красноречивое молчание». Однако, в отличие от Лагарпа, оба сходятся в том, что суд над умершим монархом должен быть немедленным – таков закон – и что вершить его должна сама истина.

Повествовательная тактика Мори и Мерсье свидетельствует о том, что отсылка к египетскому суду играет роль метареференции, обозначающей позицию оратора. Она создает иллюзию непосредственного присутствия на погребальной церемонии; прощание с бранными останками монарха становится моментом откровения, пусть даже в сугубо позитивном смысле. В этом контексте появление истины, противостоящей лжи или политическим умолчаниям, вроде бы не требует дополнительного комментария. Тем не менее это новый элемент в репрезентации египетского суда. Если вернуться к соответствующему пассажиру из «Сетоса», то Террасон подчеркивал обрядовую и религиозную составляющую обычая, оказывавшую большое воздействие на народное воображение и порождавшую собственные суеверия, в том числе представление, что труп тирана не может преодолеть порога лабиринта (Terrasson 1731: 47). У Монтеня, Гроция и даже у Боссюэ речь идет о законе, правосудии, посмертной репутации, но никак не об истине.

régné en Dieux, marchoient d'un pas égal au tombeau, comme le dernier de leurs sujets, l'adulation ne faisoit point entendre une voix faussetment éloquente sur leurs restes inanimés : la vérité long-tems cachée, la vérité terrible s'avançoit ; d'une main elle arrêtoit leur cercueil, & de l'autre elle déployoit les fastes de leur regne. Des juges sévères prononçaient les peines ou le récompenses dues à la mémoire de ce Monarque, qui n'étoit plus que poussiere » (Mercier 1785: 373–374). «Похвальное слово Карлу V» Мерсье было опубликовано отдельно, затем в сборнике его «Похвальных и философских речей», который вышел в 1776 г., и наконец было включено в «Мой спальный колпак», по которому я его и цитирую.

С одной стороны, появление «истины» характеризует риторическую интерпретацию сюжета, отличая ее от собственно исторической или философской. С другой, это абстрактное и во многом метафизическое понятие оттесняет более конкретное «правосудие». Тем самым древний обычай постепенно утрачивает черты экзотизма (к которым относятся подробности погребального ритуала) и входит в число универсальных ценностей. Не случайно, что в седьмой песне поэмы «Воображение» (1806) аббат Делиль представляет его как идеальную политическую модель, практически лишенную исторических черт: «Сколь милей мне те празднества, где законы / Допрашивают королей у их могил! <...>. В последнем из подданных король обретает судию, / Свергнутому преступлению более нет убежища, / И святая истина у их могил / От погребальных факелов зажигает свой светоч»³⁰. Даже упоминание Египта – «Горе тогда, горе неправедным монархам! / призванным на суд пред Египтом, на глазах всего мира <...>»³¹ – выглядит скорее как библеизм, хотя в авторском комментарии, которым сопровождается текст, есть ссылка на конкретный казус из «Исторической библиотеки».

Описываемая диспозиция нам хорошо знакома: разверстая могила, суд над умершим королем, в котором участвуют законы и истина. Однако распределение функций между персонажами слегка изменилось по сравнению с предыдущими вариантами. В роли обвинителей теперь выступают законы, а судьями становятся последние из подданных (обычно наоборот, подданные обвиняют, а законы судят), между тем как истина являет себя лишь после смерти правителя. И все это именуется «празднеством», что заставляет предположить, что взгляд Делиля на египетский погребальный обряд определен опытом революции 1789 года, свидетелем которой он был. Отсюда презумпция, что источником власти является народ,

³⁰ « O combien j'aime mieux ces fêtes où les lois, / A côté de leur tombe, interrogeaient les rois ! <...>. Dans son dernier sujet le roi trouvait un juge ; / Le crime détrôné n'avait plus de refuge ; / Et la vérité sainte, auprès de leur tombeau, / Aux torches de la mort allumait son flambeau » (Delille 1806 : 159–160).

³¹ Стоит обратить внимание, что хотя « Cités devant l'Égypte » (Delille 1806: 159) означает «призванные явиться на суд перед Египтом», сам глагол « citer » («цитировать») предполагает и публичное оглашение.

который, посредством законов, выносит приговор несправедливым монархам.

Поэтический восторг Делиля столь же конвенционален, как прозаические дифирамбы Карлу V Мори или Мерсье. Важное различие состоит в том, что если в 1767 году ситуация египетского суда была ораторской условностью, то к началу XIX столетия ее реальность стала намного более ощутимой. Приведу показательный пример. В 1791 году, когда Национальная Ассамблея постановила перенести останки Вольтера в Пантеон, группа «друзей Конституции» подала прошение о том, чтобы эта церемония проходила без заранее объявленных торжеств. Признавая, что покойный принадлежит к числу тех, кто предсказал революцию, граждане указывали на его нравственное несоответствие новому обществу: «пресмыкавшийся перед вельможами и презиравший народ, этот человек изворотливого ума, без правил и принципов» не заслуживал почестей (*Rétition* 1791: 4). Этому суровому суждению в качестве эпитафии была предпослана хорошо нам знакомая цитата из Роллена (то есть отчасти из Боссюэ) о необходимости суда над покойниками. Иными словами, для авторов петиции и более полутораста человек ее подписавших, египетский суд был историческим прецедентом и руководством к действию. Подобно Истине из панегирика Мерсье они пытались встать между погребальным кортежем и местом последнего упокоения Вольтера.

«Друзья Конституции» практически осуществили то, что предполагал сделать шевадь д'Эон, когда грозил вызвать труп противника на публичный суд. Грань между риторической топикой и попыткой инициировать реальную (квази)юридическую процедуру оказывается чрезвычайно тонка. Возможно, самым примечательным подтверждением этому служат «Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г.» Руссо. Набрасывая проект конституции малознакомого ему государства, Жан-Жак не только вспоминает о «древнем обычае» производить «суд над египетскими царями после их смерти», но предлагает ввести его в Польше в качестве законной процедуры:

Я бы хотел, чтобы после кончины короля его тело сохранялось в подходящем месте вплоть до того как будет принято решение о том, какая память ему подобаает; и чтобы трибунал, который должен такое решение вынести и назначить ему усыпальницу, собрался как можно скорее. На нем со всею суровостью были бы рассмотрены жизнь и правление покойного, и после разбирательства, во время которого всякий гражданин был допущен выступить с обвинениями или в защиту усопшего, был бы со всей возможной торжественностью вынесен приговор³².

Руссо считал, что такой план покажется чистым безумием «французам, в особенности философам». Он был не прав: даже исходя из приведенных примеров мы видим, что мысль об обвинительной речи над трупом государя была прочно укоренена во французской словесности в качестве общего места. Более того, к концу 1760-х годов упоминания египетского суда становятся все более частыми. Известную роль тут должна была сыграть популярность Роллена, а так же египетских романов Террасона и Ремзи, на которых, по-видимому, росло предреволюционное поколение. К числу значимых факторов надо отнести и падение популярности Людовика XV, весьма ощутимое в последние годы его долгого царствования. В воображении современников начинает возникать фантом похоронного шествия, которое, говоря словами Монтеня, открывает для подданного дорогу к «собственной свободе в выражении истинных чувств». Как мы видим на примере аббата Мори (род. 1746) и Мерсье (род. 1740), задолго до событий 1789 года юные честолюбцы, вне зависимости от политических убеждений, начинают примерять на себя роль оратора у могилы государя. Благодаря этому в эпоху революции *locus communi* едва не приобретает законный статус.

³² « Je voudrois donc qu'après la mort de chaque Roi, son corps fût déposé dans un lieu sortable jusqu'à ce qu'il eût été prononcé sur sa mémoire; que le tribunal qui doit en décider & décerner sa sépulture fût assemblé le plutôt qu'il seroit possible, que là sa vie & son regne fussent examinés sévèrement, & qu'après des informations dans lesquelles tout citoyen seroit admis à l'accuser & à le défendre, le procès bien instruit fût suivi d'un arrêt porté avec toute la solemnité possible » (Rousseau 1782: 530).

Вместо заключения

Проект Руссо может служить конечным пунктом нашего маршрута, позволяя вернуться от странствий египетского обычая по страницам французских книг к тому, с чего мы начали, то есть к кругу чтения Вяземского и Пушкина. Хотя большинство из перечисленных авторов – Монтень, Боссюэ, Мерсье, Делиль, Лагарп – были известны русскому образованному читателю начала XIX столетия, литературный престиж отнюдь не гарантировал близкого знакомства именно с теми их сочинениями, о которых шла речь. К примеру, Делиля в первую очередь почитали (или, если говорить о Пушкине, не любили³³) как автора «Садов»; его поэма «Воображение» не удостоилась большого внимания, если не считать переведенного Карамзиным отрывка о меланхолии³⁴. Боссюэ воспринимался скорее как проповедник³⁵, чем как историк, хотя, любопытным образом, Кайданов в своих учебниках полемизировал с «Речью о всеобщей истории»³⁶. Напротив, Руссо продолжал оставаться в центре философских и политических споров³⁷. Его «Соображения об образе правления в Польше» могли представлять особый интерес для русской публики в середине 1810 годов, когда шла подготовка конституции Царства Польского. Позднее, среди служивших в Польше российских чиновников и дипломатов, оказался Вяземский. Известно, что находясь в Варшаве он читал Руссо и начал переводить его трактат «О политической экономии»³⁸. Служебные обязанности должны были привлечь его внимание к «Соображениям», тем более что его интерпретация «бессоудачного» суда «над трупами славных» вполне

³³ Об этом см.: Томашевский 1960: 150–151.

³⁴ О русских переводах из «Воображения» см.: Кочеткова 2013.

³⁵ Ср.: «Боссюэ и Флешье го<ворили> <?> проповедова<ли> <ему> слово божие в его приидв.<орной капелле>» (Пушкин 1949: 505, прим. 1).

³⁶ Причем прямо в главе, посвященной Египту. См.: Кайданов 1821: 39–40.

³⁷ Общий обзор см.: Лотман 1992; о пушкинском отношении к Руссо см.: Томашевский 1960: 132–141.

³⁸ По поводу варшавских занятий Вяземского и переводов Руссо см.: Прохорова 2005: 87–108; Прохорова 2007: 119–126.

соответствует тому политическому прочтению диодоровского сюжета, которое было близко Руссо.

Пушкинский выпад против «безусловных похвал, пошлых восклицаний» типологически и, возможно, генетически ближе к рассуждению Боссюэ о том, что не следует «восхвалять всех умерших без разбору», и что панегирику должен предшествовать «un jugement public», то есть публичный суд, который одновременно есть общественное суждение³⁹. Как мы видели, именно к публичному трибуналу (в лице Национальной Ассамблеи) апеллировали «друзья Конституции», когда хотели воспрепятствовать торжествам по случаю переноса праха Вольтера в Пантеон. Попутно отметим, что процедуры «пантеонизации» и тем более «депантеонизации»⁴⁰ всякий раз провоцировали яростные споры о праве на торжественное погребение некоронованных покойников, сопровождавшиеся как панегириками, так и инвективами. В 1796 году тот же Мерсье выступил на Совете пятисот с речью против помещения в Пантеон останков Декарта. По его мнению, этот «республиканский храм» должен быть предназначен для «мучеников и героев революции», меж тем как «республика словесности» имеет свои «лавровые венки и дебаты»⁴¹.

«Пантеонизация», стиравшая грань между героями двух республик, наглядно демонстрирует, как мог происходить переход топики египетского суда из политической риторики в сферу литературного канона. Это соскальзывание можно наблюдать и ранее, когда речь идет о таких фигурах как Бэкон, чье жизнеописание Дэвид Моллет начинает с отсылки к «закону», требовавшему «торжественного разбора» дел умершего перед судьями:

Некоторым уставом древних Египтян, характер и дела умерших людей, подвержены были торжественному следствию, по

³⁹ Франц. слово «jugement» обозначает и судебное решение, и суждение по поводу чего-либо, и интеллектуальную способность к суждению.

⁴⁰ О «пантеонизации» см.: Mercier 1801: 166; это издание было в библиотеке Пушкина, но его страницы не разрезаны.

⁴¹ Мерсье воспроизводит свою речь (с обширными комментариями) в «Новом Париже», цит. по: Mercier 1798: 145–146.

котором судьи учрежденные <sic!> на сие, определял казнь или мздовоздаяние, должныя памяти мертвого человека⁴².

В других случаях политические инвективы идентифицируются с цензурой и, соответственно, с критикой⁴³. Однако замечание Пушкина следует иной логике: у него критика предназначена живым литераторам, а египетский суд – уже покойным⁴⁴. Возможно, что это терминологическое различие обусловлено чувством языкового декорума, поскольку критикуют обычно тех, кто может дать опровержение на критики. Или же в нем нужно видеть элемент литературной теории, метафорическое обозначение идеи аналитического разбора, который во французском языке XVII – XVIII веков нередко ассоциировался с анатомированием мертвой материи.

*

Так действительно ли египтяне судили своих мертвецов? По мнению некоторых специалистов Диодор Сицилийский буквально интерпретировал изображения потустороннего суда, которые ему

⁴² Это начало «Жития канцлера Фрэнсиса Бакона» в переводе все того же Тредиаковского (Житие 1760: 3); цитата из Моллета (Mallet 1740: 1) была инкорпорирована во франц. перевод Делейра, откуда и попала в «Житие»; о формировании этого текста см.: Лакшин 1962: 223–248; Неклюдова 2013: 50–69.

⁴³ В 1741 году некий де Вильмон выступил в печати со своими «Рассуждениями о критике». В качестве авторитетного примера того, что «великие мира сего отнюдь не защищены от стрел цензуры или критики; напротив, <...> они открыты им более, чем обычные люди» (Villemont 1741: 425) он вспоминал, что в Египте «стоило царю умереть, его тело выставляли посередине площади, где всякий мог восхвалять его заслуги и упрекать во всех совершенных им дурных поступках», и т. д. (Villemont 1741: 427). Этот конкретный пересказ Диодора принадлежал не ему, а популярному историку Антуану Варийасу (Варийас 2005: 372), чье сочинение могло быть еще одним текстом-посредником, распространявшем знание о причудливом египетском обычае. Но важно то, что Вильмон не делает различия между разными сферами применения критики, практически ставя на одну доску моральную (устную или содержащуюся в литературных сочинениях) и литературную критику (собственно разбор достоинств и недостатков произведения).

⁴⁴ Ср. аналогичное противопоставление: «Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?» («Разговор о журнальной критике и полемике». – Пушкин 1949: 90).

довелось видеть в Египте, или неправильно понял соответствующие мифологические рассказы. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой во время погребальных церемоний египетские жрецы могли разыгрывать сцены суда, происходившего в этот момент в подземном царстве⁴⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Варийас А. де. 2005. Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи. Предисловие. – Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 15. С. 360–379.
- Вяземский П. А., кн. 1880. Полн. собр. соч.: Т. V. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Вяземский П. А., кн. 1884. Полн. собр. соч.: Т. IX. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Вяземский П. А., кн. 1886. Полн. собр. соч.: Т. X. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Диодор Сицилийский 2017. Историческая библиотека. Кн. I: Египет / Изд. подготовил О. П. Цыбенко. СПб.: Алетейя.
- Житие 1760. Житие канцлера Фрэнсиса Бакона / Пер. с французского на русский Василий Тредиаковский профессор и член Санкт-петербургския императорския Академии наук. [М.]: Печатано при Императорском Московском университете.
- Кайданов И. 1814. Основания всеобщей политической истории: Древняя история. Часть первая: Древняя история. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук.
- Кайданов И. 1821. Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Часть первая: Древняя история. СПб.: В типографии Н. Греча.
- Кочеткова Н. Д. 2013. «Меланхолия» Ж. Делиля: Подражание Н. М. Карамзина и перевод П. Ю. Львова. – Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М.; СПб: Альянс-Архео. С. 209–218.
- Лакшин В. Я. 1962. О деятельности В. К. Тредиаковского-просветителя (Перевод книги о Фр. Бэконе). – XVIII век. Сборник 5. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 223–248.

⁴⁵ Обзор разных точек зрения см.: Assmann 2005: 85; о возможной реальности обряда см.: Merkelbach 1993.

- Лотман Ю. М. 1992. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века. – Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х тт. Т. II. Таллинн: Александра. С. 40–99.
- Макиавелли Н. 1982. Государь / Пер. Г. Муравьевой. – Макиавелли Н. Избранные сочинения / Сост. Р. Хлодовского. М.: Художественная литература.
- Неклюдова М. С. 2013. Определение анекдота: Казус Бэкона / Делейра / Третьяковского. – XVIII Лотмановские чтения. Россия и Франция: XVIII – XX вв. М: РГГУ. С. 50–69.
- Прохорова И. Е. 2005. Литературно-публицистическая деятельность П. А. Вяземского «варшавского периода»: Развитие либерально-конституционных идей. – Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. Т. 10. № 3. С. 74–97; № 4. С. 87–108.
- Прохорова И. Е. 2007. П.А. Вяземский как переводчик статьи Руссо: Судьба рукописи. – Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. Материалы научной конференции. СПб.: РНБ. С. 119–126.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. XI. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР.
- Рамзей [Ремзи Э. М.]. М. 1765. Новое Кирионаставление, или Путешествия Кировы: С приложенными разговорами о богословии и баснословии древних / С Французского на Российской язык пер. Авраам Волков. Часть I. [М.]: Печатано при Императорском Московском университете.
- Рамзей А. [Ремзи Э. М.] 1785. Новая Кириопедия, или Путешествия Кировы: С Приложенными разговорами о богословии и баснословии Древних / Изд. 2-е, исправленное с английского подлинника. Часть I. М.: В университетской типографии, у Н. Новикова.
- Роллен Ш. 1749. Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках / <...> с французского переведенная чрез Василья Третьяковского профессора элоквещии и члена Санктпетербургския Императорския Академии наук. Т. I. СПб: При Императорской Академии наук.
- Словарь языка Пушкина 2000. Словарь языка Пушкина: В 4-х тт. 2-е изд., дополненное. Т. IV. М.: Азбуковник.
- Собрание лучших сочинений 1762. Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или, Смешанная Библиотека о разных Физических, Экономических, також до

- манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. Части третья – четвертая. М.: Печатано при Московском Университете на коште книгосодержателя Вевера.
- Террасон Ж. 1762. Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая / Пер. Денис Фон Визин. Часть первая. М.: Печатана при Императорском Московском Университете.
- Томашевский Б. В. 1960. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель.
- Эшенбург И. И. 1818. Ручная книга Древней классической словесности: Содержащая: I. Археологию; II. Обзорение классических авторов; III. Мифологию; IV – V. Древности Греческия и Римския / Собранныя Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. Т. I. СПб.: [б. и.]
- Якубович Д. П. 1941. Античность в творчестве Пушкина. – Пушкин: Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 92–159.
- Allen, D. C. 1970. *Mysteriously Meant: The Rediscovery of Pagan Symbolism and Allegorical Interpretation in the Renaissance*. Baltimore and London: Johns Hopkins Press.
- Assmann, J. 2005. *Death and Salvation in Ancient Egypt* / Translated from the German by David Lorton. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Bossuet, J.-B. 1681. *Discours sur l'histoire universelle à Monseigneur le Dauphin : Pour expliquer la suite de la religion & les changemens des empires*. Paris: Chez S. Mabre-Cramoisy.
- Catteeuw, L. 2003. *Censures et raisons d'État. Une histoire de la modernité politique (XVIe – XVIIe siècle)*. Paris: Albin Michel.
- Delille, J. 1806. *L'imagination, poème*. T. II. Paris: Chez Giguet et Michaud.
- Diodore de Sicile. 1993. *Bibliothèque historique / Introduction générale par François Chamoux et Pierre Bertrac ; texte établi par Pierre Bertrac ; et traduit par Yvonne Vernière*. Tome I, Livre I. Paris: Les Belles lettres.
- Eon de Beaumont, Ch. de. 1767. *Dernière lettre du Chevalier d'Eon à M. le Comte de Guerchy, en datte du 5 Aout, 1767. Avec l'extrait de la procédure en bonne forme*. Londres: s. n.
- Eschenburg, J. J. 1783. *Handbuch der Klassischen Literatur, Enthaltend: I. Archäologie, II. Kunde der Klassiker, III. Mythologie, IV. Griech Allerthümer, V. Römische Alterthümer*. Berlin und Stettin: Bey Friedrich Nicolai.

- Eschenburg, J. J. 1802. Manuel de littérature classique ancienne. T. I. / Traduit de l'allemand avec additions par O. F. Cramer. Paris: De l'Imprimerie du Traducteur.
- Gilbert, F. 1973. Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton: Princeton University Press.
- Grotius, H. 1670. De Jure belli ac pacis libri tres. Amsterdami: Apud Guilielmum Blaeuw.
- La Harpe, J.-Fr. de. 1767. Eloge de Charles V, Roi de France. Discours qui a remporté Le Prix de l'Académie Française en 1767. Paris: Chez la V. Regnard.
- Mallet, D. 1740. The Life of Francis Bacon, Lord Chancellor of England. London: Printed for A. Millar.
- Marin, L. 2005. Pour une théorie baroque de l'action politique. Les *Considérations politiques sur les coups d'État* de Gabriel Naudé. – Marin, L. Politiques de la représentation. Paris: Éditions Kimé. P. 191–232.
- Mauzy, J.-S. 1767. Éloge de Charles V, Roi de France, surnommé le sage. Paris: Chez la Veuve Duchesne.
- Mercier, L. S. 1785. Mon bonnet de nuit. T. IV. Lausanne: Chez Jeanne-Pierre Heubach et Comp.
- Mercier, L. S. 1798. Le nouveau Paris. Vol. VI. Paris: Chez Fuchs, Ch. Pougens, et Ch. Fr. Cramer.
- Mercier, L. S. 1801. Néologie ou Vocabulaire de mots nouveaux, à renouveler, ou pris dans des acceptions nouvelles. T. II. Paris: Chez Moussard [et] Maradan.
- Merkelbach, R. 1993. Diodor über das Totengericht der Ägypter. – Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 120. Nr. 1. P. 71–84.
- Montaigne, M. de. 1588. Essais. Cinquiesme edition, augmentée d'un troisieme livre et de six cens additions aux deux premiers. Paris: Chez Abel L'Angelier.
- Montaigne, M. de. 1602. Essais. Édition nouvelle prise sur l'Exemplaire trouvé après le décès de l'Autheur, revu & augmenté d'un tier outre les les précédentes impressions. Enrichi de deux tables curieusement exactes et élaborées. Paris: Chez Abel L'Angelier.
- Pétition 1791. Pétition à l'Assemblée Nationale, Relative au Transport de Voltaire. Nouvelle édition revue & corrigée. [Paris]: s. n.
- Racault, J.-M. 2001. L'Égypte romanesque au debut du XVIIIe siecle. – L'Égypte imaginaire de la Renaissance à Champollion. *Colloque en Sorbonne / Sous la direction de Chantal Grell*. Paris: Presses de l'Universite de Paris-Sorbonne. P. 59–78.

- Rivarol, Au. de. 1819. Discours sur la vie et les ouvrages de Rollin. Paris: Adrien Egron.
- Rollin, Ch. 1730. Histoire ancienne des Egyptiens, des Cartaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Mèdes et des Perses, des Macédoniens, des Grecs. T. I. Paris: Chez Jacques Estienne.
- Rousseau, J. J. 1782. Collection complete des œuvres. T. I. Geneve: s. n.
- Terrasson, J. 1731. Sethos, Histoire ou Vie, tirée des monumens anecdotes de l'ancienne Egypte / Traduite d'un Manuscrit Grec. T. I. Paris: Chez Jacques Guerin.
- Terrasson, J. 1732. Abriß der wahren Helden-Tugend, oder Lebens-Geschichte des Sethos, Königes in Egypten: aus Geheimen Urkunden des alten Egypten-Landes gezogen, und nach der Frantzösischen Uebersetzung Eines Griechischen Originals verteutschet. T. I. Hamburg: Gedruckt und verlegt von seel. Thomas von Wierings Erben.
- Villemont de. 1741. Reflexions sur la critique. – Mercure de France. Mars. P. 422–432.

REFERENCES

- Allen, D. C. *Mysteriously Meant: The Rediscovery of Pagan Symbolism and Allegorical Interpretation in the Renaissance*. Baltimore and London: Johns Hopkins Press, 1970.
- Assmann, J. *Death and Salvation in Ancient Egypt*. Translated from the German by David Lorton. Ithaca & London: Cornell University Press, 2005.
- Bossuet, J.-B. *Discours sur l'histoire universelle à Monseigneur le Dauphin : Pour expliquer la suite de la religion & les changemens des empires*. Paris: Chez S. Mabre-Cramoisy, 1681.
- Catteeuw, L. *Censures et raisons d'État. Une histoire de la modernité politique (XVIe – XVIIe siècle)*. Paris: Albin Michel, 2003.
- Delille, J. *L'imagination, poëme*. Vol. 2. Paris: Chez Giguet et Michaud, 1806.
- Diodore de Sicile. *Bibliothèque historique*. Introduced by François Chamoux and Pierre Bertrac, text established by Pierre Bertrac, and translated by Yvonne Vernière. Vol. 1, bk. 1. Paris: Les Belles lettres, 1993.
- Diodorus Siculus. *Istoricheskaja biblioteka*. Edited by O. P. Tsybenko. Vol. 1, *Egipet*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2017.
- Eon de Beaumont, Ch. de. *Dernière lettre du Chevalier d'Eon à M. le Comte de Guerchy, en datte du 5 Aout, 1767. Avec l'extrait de la procédure en bonne forme*. London: n. p., 1767.

- Eschenburg, J. J. *Handbuch der Klassischen Literatur, Enthaltend: I. Archäologie, II. Kunde der Klassiker, III. Mythologie, IV. Griech. Allerthümer, V. Römische Alterthümer*. Berlin and Stettin: Bey Friedrich Nicolai, 1783.
- . *Manuel de littérature classique ancienne*. Translated from the German, with additions by O. F. Cramer. Vol. 1. Paris, 1802.
- . *Ruchnaia kniga Drevnei klassicheskoi slovesnosti: Soderzhashchaia: I. Arkheologiiu; II. Obozrenie klassicheskikh avtorov; III. Mifologiiu; IV–V. Drevnosti Grecheskii i Rimskii*. Compiled by [J. J.] Eschenburg, improved by [O. F.] Cramer and amended by N. Koshanskii. Vol. 1. Saint-Petersburg: n. p., 1818.
- Gilbert, F. *Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence*. Princeton: Princeton University Press, 1973.
- Grotius, H. *De Jure belli ac pacis libri tres*. Amsterdam: Apud Guiljelmum Blaeuw, 1670.
- Iakubovich, D. P. “Antichnost’ v tvorchestve Pushkina.” In *Vremennik pushkinskoi komissii*. Vol. 6. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1941.
- Kaidanov, I. *Osnovaniia vseobshchei politicheskoi istorii: Drevniaia istoriia*. Pt. 1, *Drevniaia istoriia*. Saint-Petersburg: Pechatano pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1814.
- . *Rukovodstvo k poznaniuu Vseobshchei politicheskoi istorii*. Pt. 1, *Drevniaia istoriia*. Saint-Petersburg, 1821.
- Kochetkova, N. D. “Melankholiia Zh. Delilia: Podrazhanie N. M. Karamzina i perevod P. Iu. L’ova.” In *Chteniia otdela russkoi literatury XVIII veka*. Vol. 7, 209–18. Saint-Petersburg: Al’ians-Arkheo, 2013.
- La Harpe, J.-Fr. de. *Eloge de Charles V, Roi de France. Discours qui a remporté Le Prix de l’Académie Française en 1767*. Paris: Chez la V. Regnard, 1767.
- Lakshin, V. Ia. “O deiatel’nosti V.K. Trediakovskogo-prosvetitelia (Perevod knigi o Fr. Bekone).” In *XVIII vek*. Vol. 5, 223–48. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1962.
- Lotman, Iu. M. “Russo i russkaia kul’tura XVIII – nachala XIX veka.” In *Izbrannye stat’i*, by Iu. M. Lotman. 3 vols. Vol. 2, 40–99. Tallinn: Aleksandra, 1992.
- Machiavelli, N. *Gosudar’*. Translated by G. Murav’eva. In *Izbrannye sochineniia*, by Niccolò Machiavelli. Edited by R. Khlodovskii. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
- Mallet, D. *The Life of Francis Bacon, Lord Chancellor of England*. London: Printed for A. Millar, 1740.

- Marin, L. "Pour une théorie baroque de l'action politique. Les *Considérations politiques sur les coups d'État* de Gabriel Naudé." In *Politiques de la représentation*, by L. Marin, 191–232. Paris: Éditions Kimé, 2005.
- Maury, J.-S. *Éloge de Charles V, Roi de France, surnommé le sage*. Paris: Chez la Veuve Duchesne, 1767.
- Mercier, L. S. *Mon bonnet de nuit*. Vol. 4. Lausanne: Chez Jeanne-Pierre Heubach et Comp., 1785.
- . *Le nouveau Paris*. Vol. 6. Paris: Chez Fuchs, Ch. Pougens, et Ch. Fr. Cramer, 1798.
- . *Néologie ou Vocabulaire de mots nouveaux: à renouveler, ou pris dans des acceptions nouvelles*. Vol. 2. Paris: Chez Moussard [et] Maradan, 1801.
- Merkelbach, R. "Diodor über das Totengericht der Ägypter." *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 120, no. 1 (1993): 71–84.
- Montaigne, M. de. *Essais*. 5th ed. Paris: Chez Abel L'Angelier, 1588.
- . *Essais*. New ed. Paris: Chez Abel L'Angelier, 1602.
- Nekliudova, M. S. "Opredelenie anekdota: Kazus Bekona / Deleira / Trediakovskogo." In *XVIII Lotmanovskie chteniia Rossiia i Frantsiia: XVIII – XX vv.*, 50–69. Moscow: RGGU, 2013.
- Pétition à l'Assemblée Nationale, Relative au Transport de Voltaire*. New rev. and corrected ed. [Paris]: n. p., 1791.
- Prokhorova, I. E. "Literaturno-publitsisticheskaia deiatel'nost' P. A. Viazemskogo 'varshavskogo perioda': Razvitie liberal'no-konstitutsionnykh idei." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* 10, no. 3 (2005): 74–97; 10, no. 4 (2005): 87–108.
- . "P. A. Viazemskii kak perevodchik stat'i Russo: Sud'ba rukopisi." In *Rukopisnoe nasledie deiatelei otechestvennoi kul'tury XVIII – XXI vv. Materialy nauchnoi konferentsii*, 119–126. Saint-Petersburg: RNB, 2007.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 11. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Racault, J.-M. "L'Égypte romanesque au debut du XVIIIe siecle." In *L'Égypte imaginaire de la Renaissance à Champollion: colloque en Sorbonne*. Edited by Chantal Grell, 59–78. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2001.
- Ramsay, A. M. *Novoe Kironastavlenie, ili Puteshestviia Kirovy: S prilozhennyimi razgovorami o bogoslovii i basnotvorstve drevnikh*. Translated from the French by Avraam Volkov. Pt. 1. [Moscow]: Pechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1765.

- . *Novaia Kiropediia, ili Puteshestviia Kirovy: S Prilozhennymi razgovorami o bogoslovii i basnotvorstve Drevnikh*. 2nd rev. ed. Pt. 1. Moscow: V universitetskoj tipografii, u N. Novikova, 1785.
- Rivarol, Au. de. *Discours sur la vie et les ouvrages de Rollin*. Paris: Adrien Egron, 1819.
- Rollin, Ch. *Drevniaia istoriia ob egiptianakh o karfagenianakh ob assirianakh o vavilonianakh o midianakh, persakh o makedonianakh i o grekakh*. Translated from the French by Vasilii Trediakovskii. Vol. 1. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoj Akademii Nauk, 1749.
- . *Histoire ancienne des Egyptiens, des Cartaginois, des Assyriens, des Babylo-niens, des Mèdes et des Perses, des Macédoniens, des Grecs*. Vol. 1. Paris: Chez Jaques Estienne, 1730.
- Rousseau, J. J. *Collection complete des œuvres*. Vol. 1. Geneve: n. p., 1782.
- Slovar' iazyka Pushkina*. 4 vols. Edited by V. V. Vinogradov. 2nd ed. Vol. 4. Mos-cow: Azbukovnik, 2000.
- Sobranie luchshikh sochinenii k rasprostraneniui znaniia i k proizvedeniui udovol'stviia, ili, Smeshennaia Biblioteka o raznykh Fizicheskikh, Ekono-micheskikh, takozh do manufaktur i do kommertsii prinadlezhashchikh veshchakh*. Pt. 3–4. Moscow: Pechatano pri Moskovskom Universitete na koshte knigosoderzhatelia Vevera, 1762.
- Terrason, J. *Geroiskaia dobrodetel', ili Zhizn' Sifa, tsaria Egipetskogo, iz tainstven-nykh svidetel'stv drevnego Egipta vziataia*. Translated by Denis von Wiesen. Pt. 1. Moscow: Pechatana pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1762.
- . *Sethos, Histoire ou Vie, tirée des monumens anecdotes de l'ancienne Egypte*. Translated from a Greek manuscript. Vol. 1. Paris: Chez Jacques Guerin, 1731.
- . *Abriß der wahren Helden-Tugend, oder Lebens-Geschichte des Sethos, Kö-niges in Egypten: aus Geheimen Urkunden des alten Egypten-Landes gezo-gen, und nach der Frantzösischen Uebersetzung Eines Griechischen Originals verteutschet*. Vol. 1. Hamburg: Gedruckt und verlegt von seel. Thomas von Wierings Erben, 1732.
- Tomashevskii, B. V. *Pushkin i Frantsiia*. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1960.
- Varillas, A. de. "Florentiiskie anekdoty, ili Tainaia istoriia doma Medichi. Pre-dislovie." *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii* 15 (2005): 360–79.

Viazemskii, P. A., prince. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 5. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1880.

— . *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 9. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1884.

— . *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 10. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1886.

Villemont de. "Reflexions sur la critique." *Mercure de France*, Mars (1741): 422–32.

Zhitie kantslera Frensis Bakona. Translated from the French by Vasilii Trediakovskii. [Moscow]: Pечатано pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1760.